

ЕВГЕНИЯ ШТОЛЬЦ

ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА

ДРАКОНИЙ ВЕК

фэнтези

МИО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Праздник Сирриар	7
Глава 2. Прибытие Теух	38
Глава 3. Игры смерти	55
Глава 4. Путешествие по Югу	99
Глава 5. На пути к смерти	142
Глава 6. Рассвет после страшной ночи	184
Глава 7. Срывание масок	262
Глава 8. Прощание	288
Глава 9. Забытые	317
Эпилог	370

ЦИКЛ
«ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА»

I
НАСЛЕДИЕ ВАМПИРОВ

II
ХОЗЯЕВА СЕВЕРА

III
УДАВ И ГАДЮКА

IV
ИСКРА ВОЙНЫ

V
ЧАСТЬ ИХ БОЛИ

VI
ДРАКОНИЙ ВЕК

Демонология Сангомара

ЕВГЕНИЯ ШТОЛЬЦ

**ДЕМОНОЛОГИЯ
САНГОМАРА**
ДРАКОНИЙ ВЕК

Москва
МИФ
2025

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
Ш92

Штольц, Евгения

Ш92 Демонология Сангомара. Дракони́й век / Евгения Штольц. — Москва : МИФ, 2025. — 384 с. — (Демонология Сангомара).

ISBN 978-5-00250-165-6

Пока джинны борются друг с другом за право зваться Богом, а ожившие демоны из легенд уничтожают все на своем пути, бессмертные вампиры собираются на большой праздник Сирриар. На нем Филипп, потерявший Уильяма и Йеву, передаст дар дальше. Однако у богатого и сильного Юга свои планы на бессмертный клан. Настало время узнать, чем завершится история не только полюбившихся героев, но и всего мира.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00250-165-6

© Евгения Штольц, 2025
© Алексей Попов, 2025
© Оформление. ООО «МИФ», 2025

*И даже проклятая смерть не так страшна,
как вечное душевное одиночество.*

Глава 1

ПРАЗДНИК СИРРИАР

*Спустя тридцать лет,
Брасо-Дэнта, 2197 год*

Пока за окнами шумел дождь, знаменуя начало осени, старому Филиппу снилось, как, пенясь и бурля, шумела река, перекатываясь по камням. В реке кто-то был. Порой на поверхности показывалась чья-то голова: то черноволосая, то рыжая. Вскидывались к небу руки. Долетал хриплый крик о помощи, но река затыкала тонущего водой, будто кляпом, и увлекала дальше по течению. И Филипп все бежал, но не мог догнать. А потом показался берег реки и утопленник, повернутый так, что нельзя разобрать, как он выглядит. Филипп приблизился, но не успел помочь: сердце утопленника не билось.

Он так и не нашел сил всмотреться в мертвое лицо, и неожиданно сон сменился другим. Этот сон был уже не такой четкий, но такой же тяжелый. Вполоборота стояла Йева,

едва поглядывая из-за плеча, и у ее ног скакали чертята и вурдалаки. Большие глаза зеленели мрачным ельником, и под ними протянулись глубокие тени. Действительно, вокруг раскинули лапы ели, запахло сырой землей и хвоей; и Филипп шагнул к дочери, однако застыл подле нее, переминаясь с ноги на ногу. Вот она подняла на него взгляд из-под пушистых ресниц. Ее губы что-то шепнули, изогнувшись в печальной улыбке. Филиппа неожиданно накрыла острая боль, он вскрикнул и проснулся. Йева... Она умерла... Ее дар только что перетек в кого-то другого. С трудом дышащий старик поначалу подорвался для защиты дочери, но тут же сообразил, что произошло, и без сил присел обратно. Он оперся о колени и свесил голову, отчего седые длинные волосы укрыли его осунувшееся лицо.

Покои были прибраны так, точно в них никто не жил. Пустые сундуки стояли с откинутыми крышками. Гардины плотно сдвинули и разровняли. На столе лежал футляр с заветным, а также гербовый перстень — то небольшое, что пока еще принадлежит нынешнему графу. В остальном покои уже подготовили, чтобы принять наследника графа. Месяц назад, по окончании жатвы, прибывшие из Молчаливого замка вампиры сделали опись имущества, казны и прибрали все важные документы к рукам. Близился тот день, когда Филипп фон де Тастемара станет простым именем в перечне бывших старейшин. И никем более. Ему предстоит исчезнуть отовсюду. Он уже чувствовал себя бесплотным гримом, которого все видят, но никто не обращает на него внимания, гримом, который растворится с светом, вот-вот готовящимся наступить и пролить скудный свет на замок Брасо-Дэнто.

Так Филипп и просидел на постели, пока в дверь не постучали. Это был старый Базил. Проплакавший всю ночь управитель пробормотал, что отряд сопровождения уже

собирается, но пришел он по другому поводу: из Офуртгоса прибыл гонец от графини Йевы фон де Артерус. Граф прикрыл дверь и присел в ближайшее кресло, где распечатал принесенную тубу и достал несколько бумаг. Одна из бумаг была завещанием, вторая — письмом, предназначавшимся ему, а третья — письмом Горрону де Донталю.

Отец, помнится, Вы порой рассказывали мне, будто жизнь напоминает солнце, восходящее над горизонтом и стремящееся к закату.

Я часто думала над Вашими словами и задавалась вопросом: если предположить, что бытие бессмертных — это невероятно длинный день, то что же есть светило, способное так долго пребывать в небе? Что удерживает его? А что заставляет зайти за горизонт? Благодаря Вам у меня появилась возможность узнать все лично. То, о чем ранее приходилось лишь догадываться, ныне предстало передо мной. После моего прибытия в замок Офуртгоса я пыталась найти в себе великое мужество, коим наделены Вы, искала умение править землями, быть тверже Вороньего камня, чтобы отплатить за Вашу любовь ко мне и не очернить Ваше имя. Вместе с тем я понимала, что ничем из этого не обладаю... Ничего я не могла дать Вам взамен... Совершенно. За что же Вы любили меня, отец? Отчего глядели так тепло, если я не приходилась Вам ни сыном, ни управителем, ни воином?

Все эти вопросы, и о солнце, и о Вас, занимали всю меня. А потом мне выпала возможность понять, на чем же зиждилась Ваша любовь, почему вопреки всему Вы относились ко мне чутко, ласково и трепетно. Пока сам не полюбишь кого-то, эта простая истина будет оставаться непонятой. Любовь... Что же она такое? Долг ли это? Или свобода? Когда я обнаружила в старой корзине дитя, то и помыслить не могла, что получу ответы на все свои вопросы, а весь мой серый, бессмысленный мир сузится до небольшого, но яркого просвета, что доселе рассеянный

свет теперь будет литься исключительно на это дитя, чья улыбка делает его лишь ярче. Мне кажется, теперь я понимаю, что есть любовь и почему она одновременно и долг и свобода.

Знаю, Вы получите это письмо перед отъездом в Йефасу. Я сделала это намеренно. Вам должно быть понятно почему. Мой долг любви двояк. Прежде всего я Ваша дочь, обязанная Вам жизнью и всем, чем Вы меня наделили. Но вместе с тем теперь я также и мать. Пусть Ройс мне и неродной по крови, но, молю, вспомните, как Вы подобрали в Далмоне двух совершенно непохожих на Вас своими рыжими волосами детей и воспитали как своих! Прошу Вас понять, почему я поступила именно так, а не продолжила быть тем солнцем, что повисло бы безжизненным камнем под небесным сводом, не давая ни тепла, ни света! И прошу Вас поддержать Ройса при передаче им моего завещания в Йефасу, когда будете приводить в исполнение собственное. Передайте также письмо, которое подписано Горрону де Донталю, лично ему в руки. Для нас близится закат, отец, и уже другие солнца продолжат наши деяния.

Прощайте...

Старые глаза графа продолжали пробегать строку за строкой, не видя, пока тоскливо не дрогнули. За окнами грянул гром. Ненадолго отложив письмо, Филипп поднялся из кресла и принялся обходить свой замок в ночной тишине. Никто ему не встретился, кроме одного полусонного слуги. До рассвета вернувшись в свои покои, старый граф прилег в постель и не был ничем занят, кроме того, что бродил уже не по замковым коридорам, а по коридорам собственной памяти. «Все годы этого заморыша Ройса не брали ни болезни, ни дикие звери, ни какие-либо другие обстоятельства. Больше четырех десятков лет удача шла по пятам, чтобы в один день подарить ему бессмертие. Не потребовалось никаких заслуг, никакой военной доблести, выдержки, благородства, коими был наделен Уильям. Только любовь матери...» — думал он с раздражением и чувством горькой утраты. Приподнявшись с постели, Филипп пересел в кресло и вновь взялся за письмо Йевы. Ее последнее письмо. Рука ее больше уже ничего не сможет написать. Так он и просидел до самого рассвета, утонувшего в густом шумном дожде. С первыми лучами солнца он отправится в путь на праздник Сирриар, чтобы, как и дочь, передать свой дар дальше. Кому? Он не знал. Это за него решили другие.

* * *

Где-то вдали, разрывая серую завесу, пропел рог. Убрав ладонь ото лба, граф поднялся, повесил на плечо суму, куда положил все необходимые бумаги, а также ключи от всех дверей и кованых сундуков. Ненадолго, чувствуя потребность, он подошел к окну в железной оплетке. Перед ним был Брасо-Дэнто, едва подрагивающий под дождем редкими огнями. Все в этом городе казалось одновременно и родным, и чужим. Точно Филипп больше не хотел

его видеть. Хотя не его ли трудами отстроилась добрая половина города? Да, Брасо-Дэнтон был небольшим, места для расширения у него почти не было, но все здесь прошло через заботливые руки старого графа Тастемара. Именно он перенес стены далеко вперед, переделал рынок, выложил булыжниками всю мостовую, которая в давние времена знавала лишь грязь. Всякая улица была занесена в план, всякий дом обязан был быть чистым, ухоженным, а общественные здания говорили на сто голосов, вечно шумели — там вершилась жизнь города. Расположенные у западного подножия горы кобыльи конюшни на протяжении веков славились своими жеребьями. Как же поступит со всем этим новый хозяин, задумался Филипп. Сколь крепка окажется его рука, сколь выверена? Как воспримут все жители? Что-то ненадолго взбунтовалось внутри, но тут же умолкло, будучи придавленным тяжелой, изнуренной душой.

Проходя мимо запертых комнат, ныне пустых, старый граф на миг застыл. За окном продолжал стегать струями, точно плетками, дождь. Его жена Адерина. Их сын Теодд. Внуки Федерик и Теодор. Леонард. Йева. И Уильям. Филипп пережил их всех. Из-под одной двери пробивался слабый свет — видимо, раскрылась ставня. Графу вдруг захотелось зайти внутрь, и рука коснулась сумы, где лежали ключи. Однако он не решился. Конечно, присланные из Йефасы вампиры пообещали, что комнаты трогать не станут, якобы из почтения к бывшему хозяину замка. Но сказано это было таким тоном, что не оставалось сомнений: стоит хозяину замка смениться, как эти комнаты откроют в числе первых, чтобы продемонстрировать силу новой власти. Присланные вампиры, слуги Летэ фон де Форанцисса, уже уехали, но их присутствие все равно чувствовалось повсюду.

Спустившись, Филипп застал внизу прислугу: молчаливую, глядящую исподлобья. Перед дверями стоял и вытирал рукавом слезы Базил Натифуллус, то и дело утыкаясь в него, чтобы сокрыть свою слабость.

— Все подготовлено... милорд... — произнес он со всхлипом. — Отряд поджидает вас во дворе. Гонец послан вперед, чтобы повсюду вас обеспечили достойным ночлегом. К приезду нового... — управитель не выдержал и издал стон. — Для нового графа тоже все подготовили.

— Все уже предупреждены? — спросил граф.

— Да. И налоговый дом, и охранный.

— А наместники?

— Я лично отослал им письма.

Прислуга вокруг молчала и глядела в пол.

— Спасибо тебе, Него, за службу, — напоследок сказал граф. — И прощай...

По ошибке названное имя деда Базила Натифуллуса заставило постаревшего внука вспомнить, как провожали графа Тастемара в прошлый раз, в 2120 году, и сравнить, как провожают в этот. Граф обернулся на безразличную прислугу, которая стояла с тупым и равнодушным выражением лица. Большинство либо позабыли, что их господин — легендарный воин, либо родились позже. Еще раз оглядев всех присутствующих, а потом и верного Базила, заставшего падение рода Тастемара, во что никогда бы не поверил его дед, Филипп направился к выходу, где его поджидал капитан гвардии, увы, уже не из рода Мальгербов. Увидев, как графская рука лежит на суме, Базил перестал прятать слезы и расплакался еще горше. Он понимал, что в суме не одно, а два завещания и одно принадлежало Йеве, которую он до сих пор любил.